

УДК 94
ББК 63.3 (2) 521-69
Д 79

А.В. Дубровин,

*аспирант Адыгейского государственного университета, тел. 8-909-470-42-74,
e-mail: dubrovin_lex@mail.ru*

**Самоидентификация российских офицеров, участвовавших в
Кавказской войне (XIX в.)**
(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье анализируются основные элементы самоидентификации российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне XIX в.: обособленность их от остальных российских военных, неформальный обряд инициации новоприбывших, внутренняя дифференциация, особенности взаимоотношений офицеров и солдат, а также устойчивость данных элементов.

Ключевые слова: самоидентификация, индивидуальность, Кавказский корпус, «кавказцы», дифференциация, «боевое братство», племенное сознание, взаимоотношения, уподобление.

A.V. Dubrovin,

*Post-graduate student of Adyghe State University, ph. 8-909-470-42-74,
e-mail: dubrovin_lex@mail.ru*

**Self-identification of the Russian officers participating in the
Caucasian War (19th century)**

Abstract. In the paper, we analyze basic elements of self-identification of the Russian officers participating in the Caucasian War of the 19th century, namely: their isolation from other Russian military men, an informal ceremony of initiation of the newly arrived, internal differentiation, features of mutual relations of officers and soldiers, as well as stability of these elements.

Keywords: self-identification, individuality, the Caucasian case, “Caucasians”, differentiation, “a fighting brotherhood”, tribal consciousness, mutual relations, likening.

В современной исторической науке проблемы Кавказской войны исследуются по самым различным направлениям: геополитическим, военно-историческим, социально-экономическим. Тем не менее, явно недостаточно внимания уделяется «человеку войны», проблеме соотношения индивидуальности и исторической реальности, в которой жили и творили конкретные люди. Обращение к проблеме самоидентификации российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне способно внести новые характеристики в ее историю. Именно через оценку их деятельности, суждений, мнений, убеждений, возможно расширить существующие представления о таком сложном, многоплановом событии как война на Кавказе.

Российские офицеры, дислоцировавшиеся на Кавказе, входили в оперативное территориальное воинское формирование: с 1815 г. – Отдельный Грузинский, с 1820 г. – Отдельный Кавказский корпус, переформированный в 1857 г. в Кавказскую армию. Постоянно находясь в специфических условиях: перманентная война, сильно

отличающаяся от «европейских» войн; удаленность фронта боевых действий от центральной власти; природно-климатические и ландшафтно-географические особенности территории; историко-этнические особенности местного населения не могли не повлиять на самоидентификацию офицеров Кавказского корпуса.

Сплоченность кавказских офицеров и солдат, в условиях долговременной дислокации в конкретных районах, формировали особое «племенное сознание кавказцев». На Кавказе полки имели стационарные базы, именуемые штаб-квартирами. Стабильное расположение войск в штаб-квартирах способствовало появлению и развитию подсобных хозяйств и ремесел, здесь же строились церкви, госпитали, магазины, школы.

Пуская корни в занимаемой местности полк «ассимилировался», превращаясь в самообеспечивающуюся и саморазвивающуюся систему. В результате идентификация офицеров и солдат происходила в первую очередь именно по их принадлежности к полку: представители Куринского полка называли себя куринами, Апшеронского – апшеронцами, Ширванского – ширванцами и т.д., представители подразделений, носивших обезличенное формалистское название имели собственное неформальное наименование, например членов 1-го Кавказского стрелкового батальона называли по месту расположения штаб-квартиры в Гомборах – гомборцы [1].

В ходе Кавказской войны происходило переименование полков по именам прославленных генералов, становившихся их шефами. Так, 79-й Егерский Куринский полк стал «Пехотным генерал-адъютанта князя Воронцова», 80-й Егерский Кабардинский полк – «Кабардинским егерским генерал-адъютанта князя Чернышёва полком», а затем «Пехотным полком генерал-фельдмаршала князя Барятинского». Несмотря на переименования члены полков продолжали называть себя старыми территориальными наименованиями. Правда за ширванцами, чей полк был переименован в «пехотный полк генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского» закрепилось и альтернативное наименование - «графцы» [2].

Эти особенности подметил участник Кавказской войны генерал Р.А. Фадеев: «Кавказский полк не есть численное собрание людей, отличающееся от другого подобного собрания только цветом воротника; он есть организм, нечто вроде маленькой национальности, проникнутой одним духом, сложившей себе свои понятия и обычаи, высоко ценящий свои предания; выработавшей свой особенный боевой характер, иногда резко противоположный характеру другого полка, — как следует между людьми, которые не только существуют, но действительно живут вместе, и потому срастаются нравственно в одно целое. Каждый из старых кавказских полков отличается в военном отношении своеобразными достоинствами, потому что все естественно развивающееся выходит своеобразно. Один полк живой как огонь, смелый до дерзости, совершающий атаку не иначе как бегом, особенно искусный в рассыпном бою и лесной войне; другой полк — не столь живой, но твердый как камень, упорный до чрезвычайности, привыкший действовать связно, умеющий ходить не задыхаясь по самым страшным крутизнам, обдуманно решительный, и так далее» [3]. Анализ источников личного происхождения позволяет предполагать, что в первом случае речь идет в равной степени о Кабардинском и Куринском полках, а во втором об Апшеронском.

Племенное сознание кавказских войск, при обособленности на конкретных местностях, с ограничением сферы интересов даже в условиях боевого братства и служению одному Отечеству, способствовало возникновению сложных межполковых отношений: от особого вида «боевое братание» полков – так называемого куначества, до открытой враждебности. Наиболее известна вражда Апшеронского и Куринского полков [4].

На Кавказе полки имели строгую иерархию, зависящую от храбрости всего коллектива и количества славных страниц в летописях полка. В числе элитарных полков находились Кабардинский и Куринский егерские, Апшеронский пехотный, а также Нижегородский Драгунский полки. Они имели больше всего коллективных регалий. В частности, Апшеронский полк имел знамена с надписями о победах: «За отличие при взятии штурмом Ахульго 22-го августа 1839 года», «За взятие у аварских войск знамя при реке Иоре 7 ноября 1800 года», «За взятие горы Анчимеер 5-го июня, поход в Анди в июне и взятие Дарго 6-го июля 1845 года» и др. Несколько ниже, но, также входя в так называемую «гвардию» Кавказского корпуса, находились Навагинский, Тенгинский, Ширванский пехотные, Эриванский карабинерский полки. Историограф Кабардинского пехотного полка А.Л. Зиссерман полагал, что отсутствие в истории части таких знаковых имен как Севастополь, Бородино и Лейпциг не ставит под сомнение «... прочно утвердившуюся и на Кавказе и за его пределами славу полка...» [5].

Другие полки имели несравнимо меньшую славу и пользовались относительно меньшим уважением в общей кавказской военной семье. Низшую ступень в иерархии занимали гарнизонные (линейные) подразделения. Весьма показательным является эпизод, когда после Даргинской экспедиции в битком забитый ранеными госпиталь зашел навагинский офицер и попросил места. На это находившиеся там куринцы и кабардинцы ответили: «Навагинцу среди нас нет места» и только лишь демонстрация полученных ран, как символа отваги, и сообщение личных подвигов, совершенных в минувшем походе, заставили переменить их мнение - навагинца встретило громкое «Ура!», а за его здоровье выпили шампанское и портер [6].

Определяющим явлением стало ощущение своей «особости». Офицеры Кавказского корпуса чувствовали значительную обособленность от своих российских коллег и в некотором смысле противопоставляли себя им, называя войска, прибывшие из России «русскими» или «российскими», а части дислоцировавшиеся на Кавказе – «кавказскими» или «кавказцами». Более того, «кавказцы» испытывали по отношению к другим офицерам неприкрытое чувство превосходства и даже антагонизма: они были чужаками, не знавшими и не чтившими местные традиции, не обладали необходимым опытом ведения боевых действий в местных условиях.

«Кавказцы смотрели на нас, вновь прибывших, - писал о своей первой встрече с кавказскими войсками российский офицер Н.И. Дельвиг, - как старшие братья на меньших, неопытных; мы же, напротив того, взирали на них со всем почтением, которое внушали нам рассказы о геройских подвигах куринцев и кабардинцев» [7]. Отчужденность проявлялась даже в бою. А.М. Дондуков-Корсаков был свидетелем того, как во время экспедиции унтер-офицер Кабардинского полка охладил свое подразделение, бежавшее в гору на помощь, как ему вначале показалось «кавказским» частям: «легче шаг, ребята, это не наши родные куринцы, а российские». Впрочем, они тут же с «воодушевлением» выручили их [8].

Антагонизм в офицерской среде в немалой степени был обусловлен и сложившейся системой формирования войск. Помимо кадровых, в воинских подразделениях на Кавказе, имелись временно присылаемые офицеры. Значительную их часть составляли молодые выпускники военных заведений, отправляемые на годичный срок для получения боевого опыта. К этой категории относились и добровольцы, желающие принять участие в единичных экспедициях.

Кавказские начальники, понимая, что «временные гости» из России, в большинстве относившиеся к петербургской элите, могли повлиять на мнение высшего командования, стремились задобрить их назначениями на важные должности и созданием максимально благоприятных условий «службы». Подобное «продвижение»

зачастую происходило за счет «кавказцев». В самые важные моменты они отстранялись от командования своими частями, тем самым, лишаясь возможности отличиться, получить награды и продвинуться по служебной лестнице.

С другой стороны, у офицеров антагонизм несколько смягчался дворянской солидарностью, а также заботой многих опытных офицеров, понимавших, что «гости», особенно молодые, оказались в сложных условиях «особой» войны. Как только офицеры «надевали кавказский мундир», т.е. переводились в кадровый состав Кавказского корпуса, они немедленно сходились с «кавказской военной семьей» и «пользовались особой заботой и сочувствием старых кавказцев, как старших братьев своих» [9].

Тем не менее, зачисление офицеров в ряды Кавказского корпуса еще не означало их автоматического причисления к «настоящим кавказцам». Для этого необходимо было пройти неофициальный ритуал инициации. Как и для многих военных сообществ, он заключался в «боевом крещении», в непосредственном участии в боевых действиях. Особым «знаком» боевого крещения на Кавказе было ранение, считавшееся проявлением высшего мужества [10].

Молодые офицеры очень радовались, когда получали незначительные или по крайней мере не смертельные раны. «Никогда не забуду того возбужденного и восторженного состояния, в котором я находился; – писал в своих воспоминаниях А.М. Дондуков-Корсаков, – я был счастлив донельзя своей раной, мне казалось, что я сразу сделался старым кавказцем» [11]. Ранение в бою к тому же было одним из кратчайших путей к наградам и карьерному росту. Так, одному юнкеру за отличие и ранение в ходе одной лишь экспедиции посчастливилось быть произведенным через три звания в штабс-капитаны [12]. Неудивительно, что раненым на Кавказе редко сочувствовали, а чаще поздравляли.

Важным аспектом самоидентификации кавказских офицеров являлась внутренняя дифференциация данной социальной группы. В зависимости от рода деятельности и занимаемой должности можно выделять три неофициальные группы: «боевые» офицеры, непосредственно участвовавшие в военных действиях, преимущественно занимавшие должности командиров подразделений; «штабные» - нередко принимавшие участие в боевых действиях; а также «тыловые» (писари, фортификаторы, начальники складов, магазинов, врачи и т.п.) - принимавшие участие в боевых действиях лишь в чрезвычайных случаях.

Уникальным явлением стала возможность для простых солдат, рекрутированных из крепостных крестьян, проявивших храбрость и имевших многолетний военный опыт заслужить офицерское звание. Таких офицеров по кавказской терминологии называли «бурбонами». Преимущественно они были почтенного возраста (30-40 лет) ротными и батальонными командирами и являлись главной «трудоушной лошадкой».

Особой группой были так называемые «фазаны» - выходцы из аристократических кругов северо-западной и центральной России. В большинстве своем они были «временщиками», приезжавшими на Кавказ в поисках наград, славы и быстрого карьерного роста. Естественно, что у остальных «кавказцев» они вызывали недоверие и предвзятое отношение. Впрочем, и из них выходили прославившиеся со временем «старые кавказцы». К таковым можно отнести князя А.И. Барятинского - представителя одной из богатейших дворянских фамилий, пришедшего на Кавказ великосветским аристократом и ставшего одним из крупных военачальников.

Некоторым особняком по понятным причинам держались офицеры, выходцы из местных народов - «азиатцы», сохранявшие этнические особенности, проявляющиеся в характере и манере поведения. Однако под воздействием активной ассимиляции и

экстремальных условий жизнедеятельности эти особенности приобретали второстепенный характер.

Все группы офицеров были связаны общими военно-стратегическими задачами и непростыми бытовыми условиями, составляя единое «боевое братство» или «боевую семью». Понятие «боевое братство», подразумевающее объединение равноправных членов сообщества, более характерно для солдат, чем для офицеров, т.к. противоречит их положению. Должность руководителя отстраняет их от общей массы бойцов, заставляя быть над ней, ведь управлять равными практически невозможно. От офицеров требовалась не только инициатива, но и жесткость принятия решений по отношению к подчиненным. Тем не менее, особая обстановка перманентной войны с высокой интенсивностью, непрерывностью и неожиданностью боевых действий ломали стереотип данной логики. А.С. Пшишкевич отмечал, что офицеров «всех вместе связывала редкая приязнь и доверенность, что и было залогом той неустрашимости, какую полк сей изъяслял в местах, где он сталкивался с неприятелями отечества» [13].

Сохранившиеся документы отразили особый дух самопожертвования, царящий в войсках. Так, во время Даргинской экспедиции 1845 г. огромное количество раненных затруднило отступление войск. В войсках распространился слух о секретном распоряжении, якобы об оставлении всех раненых, чтобы войска «налегке» могли пробиваться к своим. Подобный слух вызвал всеобщее негодование. Офицеры единодушно предпочли подобному предательству непоколебимое желание «умереть голодной смертью, или драться до последнего издыхания» [14]. Главнокомандующий М.С. Воронцов издал специальный приказ, в котором говорилось, что «провести больных и раненых, это наш долг христианский» [15].

В кавказской армии исключение делось лишь в случае совершения молниеносных набегов вглубь территории противника, когда успех предприятия зависел от неожиданности и быстроты действий. В таких случаях действовало правило: «каждый отвечает сам за себя». Учитывая стратегическую особенность подобных маневров, в набеге заранее отбирались люди здоровые, сильные и выносливые, а слабые оставлялись в лагере [16].

У кавказских офицеров кардинальным образом изменились представления по отношению к солдатам. Это выразилось в отсутствии традиционной для сословных обществ бездонной пропасти отчужденности, разделяющей офицеров и солдат: субординация часто была простой формальностью. Партизанский характер боевых действий предопределил то, что офицеры и солдаты бок о бок сражались в рукопашных боях, совершали изнурительные многодневные походы в горы, в равной мере страдали от голода, холода и прочих лишений.

Генерал А.Ф. Рукевич, вышедший из простых солдат, по данному поводу писал: «Офицер и солдат представляли два лагеря, но не враждебных, а дружественных, связанных невидимыми узами доверия, любви и покровительства друг другу... Пройдя школу солдата, я положительно не помню глухой ненависти солдат к офицерам, не помню также пренебрежительного отношения этих последних к своим подчиненным. Иным, правда, жилось тяжелее, другим легче, но в общем все это была одна семья, хотя и не с равноправными членами, но одинаково посвятившими свою жизнь военному делу ... На Кавказе офицер к солдату стоял несравненно ближе, чем в России» [17].

Действительно, на Кавказе привилегированность положения офицеров держалась не столько «на погонах», сколько на личном примере, что подсознательно превращало их из назначенных военных руководителей в заслуженных боевых вождей. Офицеры обращались к солдатам не обезличенно «рядовой!», а по фамилиям. Во время похода, по негласному закону, офицеры подходили к солдатскому костру, только если

места хватало всем. Подпоручик Г. Самсонов отмечал, что во время недостатка продовольствия, некоторые из офицеров, приглашенные на обед в штаб, «положительно отказывались от сытной трапезы, предпочитая разделять участь наших далеко не сытых подчиненных» [18].

Офицеры лично возглавляли колонны на марше, шли впереди штурмующих. Многие за подобные геройства платили собственными жизнями. Так, генерал Д.В. Пассек, которому современники пророчили блестящую военную карьеру, погиб во главе колонны штурмовавшей завал. Когда солдаты оробели, он в одиночку бросился на противника и был убит, его последние слова были обращены к товарищам: «Прощай, моя храбрая бригада!» [19]. За такими офицерами солдаты шли «в огонь и в воду».

Офицеры и даже генералы на Кавказе часто выполняли бытовые работы, казалось бы, не совместимые с их дворянским статусом и должностными званиями. Без всяких предрассудков они занимались тяжелым физическим трудом (таскали дрова, мостили камнем полы палаток, занимались строительными работами). В своих воспоминаниях некоторые из них признавались, что на Кавказе они впервые в жизни занимались физическим трудом, о котором до этого не имели даже понятия.

Важной особенностью в самоидентификации всех кавказских военных было беспрецедентное для европейских армий Нового времени уподобление противнику. Значительная, если не большая часть кавказских офицеров, впадала в так называемую «татароманию». Они одевались в местные одежды, вооружались горским холодным оружием, имели тесные дружеские взаимоотношения с соседними, даже враждебными, народами, перенимали многие горские традиции и обычаи. Постепенно начинали складываться разносторонние взаимоотношения с соседним горским населением. Под воздействием межкультурного обмена и конкретных условий изменялся даже разговорный язык, который расширился за счет местных диалектов.

Любовь ко всему кавказскому имела и прагматический смысл: в ходе войны пришло осознание, что народы Кавказа накопили огромный позитивный опыт приспособления к местным условиям. Именно им и стремились воспользоваться российские офицеры при организации военных операций и быта. В экстремальных условиях, чтобы выжить они достаточно быстро проникались местными обычаями. Именно это превращало кавказских военных в «настоящих кавказцев». Подмечая данную черту, М.Ю. Лермонтов при создании обобщенного портрета «настоящего кавказца» называет его «существом полурусским, полуазиатским...» [20]. При попадании в другие места службы кавказские офицеры демонстрировали высочайшие боевые навыки, но редко могли приспособиться к некавказским условиям, поэтому уходили в отставку.

Конечно, особенности самоидентификации кавказских офицеров постепенно изменялись и модифицировались, но в общей массе оставались достаточно устойчивыми на протяжении всей Кавказской войны. Российские офицеры, участвовавшие в Кавказской войне, представляли достаточно обособленную группу, отличающуюся достаточно сложной внутренней дифференциацией, высоким уровнем самосознания и самоидентификации: чтобы стать «настоящими кавказцами» необходимо было проявить себя отважными воинами, а также сродниться со всем, что связано с Кавказом.

Примечания:

1. Арутюнов Ф. Гомборцы. История 1-го Кавказского Стрелкового Императорского Величества Великого Князя Михаила Николаевича батальона. СПб., 1898. С. 36.

2. Служба Ширванца [История 84-го пехотного Ширванского полка]. 1726-1909 г. Б/м, 1909. С. 52.
3. Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2005. С. 220-221.
4. Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845-1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 422.
5. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. (1726-1880). Т. I. СПб., 1881. С. 5.
6. Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С. 503.
7. Дельвиг Н.И. Воспоминание об экспедиции в Дарго // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб., 2001. С. 409.
8. Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С. 416.
9. Там же. С. 417.
10. Атарщиков Г. Заметки старого кавказца. О боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный сборник. 1870. № 8. С. 322.
11. Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С. 467.
12. Чекалин С. На линии // **Родина. 2001. № 1-2. С. 111-114.**
13. Жизнь А.С. Пшишевича, им самим описанная // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб., 2002. С. 138.
14. Гейман В.А. 1845 год. Воспоминания // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб., 2001. С. 453.
15. Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца В.Н. Норова // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб., 2001. С. 185.
16. Аноев А. Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. 1877. № 5. С. 192-193.
17. Рукевич А.Ф. Из воспоминаний старого эриванца // Исторический вестник. 1914. № 9. С. 790.
18. Самсонов Г.П. Из записок старослуживого // Русский вестник. 1892. № 10. С. 119.
19. Горчаков Н.И. Экспедиция в Дарго (1845 г.) (Из дневника офицера Куринского полка) // Даргинская трагедия, 1845 год. СПб., 2001. С. 449.
20. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 590.